

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(470)''18/19''

Е.В. ХРОЛЕНОК, канд. ист. наук,
докторант кафедры истории России
Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь

Статья поступила 26 августа 2024 г.

ИНКОРПОРАЦИЯ СТАРОДУБСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СТАРШИНЫ В СОСЛОВНУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛОКАЛЬНЫХ ЭЛИТ ПОГРАНИЧНОГО РЕГИОНА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

В работе на основе изучения широкого комплекса архивных источников впервые представлен процесс трансформации локальных элит пограничного региона – Стародубщины – во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Выявлены особенности интеграции потомков казацкой старшины края в сословную систему Российской империи, обусловленные пограничным положением региона. Отмечается, что процесс трансформации сословия прошел несколько этапов, и порубежная специфика сохранялась на Стародубщине еще длительное время после утраты регионом пограничного статуса. Локальные элиты края вели борьбу за свои привилегии, эффективно адаптируясь к изменяющимся обстоятельствам. Завершился процесс трансформации только в середине 1850-х гг. в результате реформ, проведенных в правление императора Николая I.

Ключевые слова: казаки, Стародубский полк, сословная система, дворянство, казацкая старшина, локальная история, пограничный регион.

KHROLENOK E.V. PhD in Hist. Sc.
Doctoral Student at the Department of Russian History
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

INCORPORATION OF THE STARODUB COSSACK ELDERS INTO THE CLASS SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE. TRANSFORMATION OF LOCAL ELITES OF THE BORDER REGION (SECOND HALF OF THE 18TH – FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY)

The paper presents for the first time the process of transformation of local elites of the border region – Starodubshchina in the second half of the 18th – first half of the 19th century based on the study of a wide range of archival sources. The features of integration of descendants of the Cossack elders of the region into the class system of the Russian Empire, caused by the border position of the region, are revealed. It is noted that the process of class transformation went through several stages, and the border specificity

was preserved in Starodubshchina for a long time after the region lost its border status. Local elites of the region fought for their privileges, effectively adapting to changing circumstances. The transformation process was completed only in the mid-1850s as a result of reforms carried out during the reign of Emperor Nicholas I.

Keywords: *Cossacks, Starodub Regiment, class system, nobility, Cossack elders, local history, border region.*

Введение. Стародубщина – регион, расположенный в белорусско-российско-украинском пограничье, центром которого на протяжении долгого времени являлся город Стародуб (сегодня районный центр Брянской области Российской Федерации). На протяжении XVI–XVIII вв. край оставался местом столкновения интересов Великого Княжества Литовского (ВКЛ) и России, а с середины XVII в. еще и Гетманской Украины, когда в регионе был образован Стародубский полк – военно-административная единица казацкой автономии. Указанное обстоятельство сформировало в регионе уникальную этническую, культурную и социальную среду, процессы в которой развивались в прямой взаимосвязи с укреплением позиций того или иного государства. Это не могло не сказаться и на жизнедеятельности локальных элит. Последние – выходцы из военного сословия, генезис и эволюция которого были бы невозможны ни в каком ином регионе кроме порубежного. Однако с утратой Стародубщиной пограничного статуса в конце XVIII в. казацкая старшина вынуждена была начать интеграцию с российским дворянством, чтобы сохранить свое привилегированное положение уже в рамках всего государства.

История Стародубщины начала привлекать исследователей еще в XIX в. – вскоре после упразднения в Малороссийском генерал-губернаторстве полкового деления. Однако процесс трансформации локальных элит на территории бывшего Стародубского полка так и не получил отдельного исследования.

Миграционные процессы XVII–XVIII вв. оказали на Стародубщину такое влияние, что в 1919 г. ее территория была включена в состав Социалистической Советской Республики Белоруссии. Данное обстоятельство позволяет рассматривать социальные трансформации в регионе с точки зрения становления и развития белорусской государственности.

Цель представляемого исследования – на основе архивных источников с учетом до-

стижений историографии проследить процесс трансформации локальных элит Стародубщины во второй половине XVIII – первой половине XIX в.

Основная часть. Настоящее исследование выполнено в соответствии с такими направлениями исторической науки, как новая локальная и новая социальная история. Указанный подход подразумевает создание целостной картины жизнедеятельности регионального общества через восстановление биографии его отдельных представителей.

На территории Войска Запорожского и, соответственно, в Стародубском полку к первой половине XVIII в. уже окончательно оформилась система казацких чинов, соответствующая административно-территориальному делению. Ее можно разделить на несколько уровней: генеральную старшину, осуществлявшую руководство всем Войском; полковую; сотенную и куренную. Отдельно находились чины товарищей – знатных казаков, не занимавших по каким-либо обстоятельствам никакой должности: бунчуковых, войсковых и значковых товарищей.

При этом введенный императором Петром I Табель о рангах не включил в себя малороссийские чины. Указанное обстоятельство и стало причиной дальнейших споров. Использование украинских казаков во время военных походов не отдельными корпусами, а совместно с регулярной российской армией породило конфликты между офицерами и казацкой старшиной. Особенно ярко это проявилось во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. С этого времени локальные элиты начинают понимать важность унификации общероссийских и казацких чинов. Однако правительство в Петербурге не придавало этому значения. В то же время обилие различных казацких рангов и званий нуждалось в систематизации. Единственной ее удачной попыткой следует признать составление в 1756 г. «Табеля о малороссийской

службе». В нем все казацкие чины были разделены на 12 классов. При этом полковник был отнесен к 4 классу, а выборный казак – к последнему, двенадцатому [1, с. 17–18]. Но и на этот «Табель» правительство в Петербурге никак не отреагировало. Вопрос унификации чинов оставался нерешенным. Это толкало представителей стародубской казацкой старшины к поступлению на службу в регулярную армию Российской империи, где выходцы из беспокойного пограничного региона имели шанс проявить себя. Наиболее ярким примером могут послужить братья Андрей и Иван Васильевичи Гудовичи, происходившие из сотенной старшины Стародубского полка. Из них старший Андрей стал генерал-адъютантом императора Петра III, а в правление его сына Павла I был произведен в генералы от инфантерии. Младший – Иван Васильевич Гудович – получил титул графа, а в 1807 г. – чин генерал-фельдмаршала.

Одновременно с разрешением проблемы уравнения званий старшина продвигала идею своего обособления от рядового казачества. Созданный в 1743 г. сборник «Прав, по которым судится малороссийский народ» стал первой попыткой кодификации украинского права. Он выделял казацкую старшину в отдельный класс малороссийской шляхты. По мнению составителей, к ней относились все высшие чины до сотника включительно, а также бунчуковые, войсковые и значковые товарищи со своим потомством [1, с. 8]. Данный документ фактически создал в казачьей среде новую привилегированную сословную группу – шляхту. Ее представители во время Глуховской рады 1763 г. и вовсе выступили за придания ей прав по образцу Речи Посполитой (РП), аргументируя это тем, что ранее именно так и управлялась Малороссия. Шляхтичи ходатайствовали о восстановлении судопроизводства согласно Статуту ВКЛ, организации региональных сеймиков и генеральных рад. Новообразованный класс считал возможным принять на себя управление казацкой автономией, оставив за гетманом и другими ранговыми старшинами только вопросы командования войском. Таким образом, локальные элиты фактически требовали возвращения порядков уничтоженных сто лет назад Богданом Хмельницким.

Создание такой шляхетской республики внутри Российской империи не встретило

понимания императрицы Екатерины II. А высказанные гетманом К.Г. Разумовским предложения о закреплении высшей должности в Войске Запорожском за его потомками и вовсе привели к упразднению самого института гетманства в Украине. Вместо него в 1764 г. было учреждено Малороссийское генерал-губернаторство во главе с П.А. Румянцевым. Однако в вопросах судопроизводства центральное правительство частично пошло навстречу украинской шляхте. Были созданы в соответствии со Статутом ВКЛ городские, подкоморские и земские суды. Так, в Стародубском полку городской суд заменил полковой и расположился в центральном городе региона, местами нахождения подкоморских и земских судов в регионе были определены Стародуб и Погар, ставшие центрами поветов.

Однако при этом шляхта не получила в этой реформе привилегий, на которые рассчитывала. Локальные элиты в вопросах судопроизводства оказались в равном положении с рядовыми казаками, ввиду того что шляхетский суд так и не был учрежден. Однако появление новых должностей – судей, подсудков и возных – способствовало еще большему увеличению численности представителей привилегированной группы. Так, универсал гетмана К.Г. Разумовского, поступивший в Стародубскую полковую канцелярию 3 декабря 1763 г., устанавливал необходимость выбора к судам возных «во всякой сотне по одному и сверх того в тех местах, где суды подкоморские и земские будут заседание иметь по одному выбрать». Пункт 8 указанного универсала предписывал «оним возным чин и место им первое по сотнику городском, пред всеми значковыми товарищами и сотенными старшинами» [2, л. 28]. Таким образом, выбранные в соответствии с этим документом возные попадали в число шляхты. Данное обстоятельство в дальнейшем позволило бывшим чиновникам претендовать и на российское дворянство. Так, Иван Семека был выбран в 1764 г. Стародубским поветовым земским возным. В 1784 г. он предоставил ордер об этом, что и послужило основанием для утверждения его в дворянском достоинстве Российской империи [2, л. 28–29].

В следующий раз стародубская шляхта смогла обратиться к правительству уже в

1767 г., после того как императрица Екатерина II приняла решение о созыве Законодательной комиссии для составления нового Уложения. Однако на этот раз управление Малороссией осуществлял уже не собственный гетман, а генерал-губернатор П.А. Румянцев, который отстаивал в регионе общегосударственные интересы. Составленные шляхтой указы не имели шансов дойти до Законодательной комиссии в первоначальной редакции.

В Стародубском полку главой шляхетства был избран бунчуковый товарищ земский судья Петр Григорьевич Искрицкий, пользовавшийся доверием П.А. Румянцева. Однако дебаты депутатов в Стародубе вышли из-под его контроля. Шляхтичи требовали утверждения своих привилегий согласно Статуту ВКЛ, легализации имений, вывода российских войск из региона, отмены сборов и даже восстановления гетманства. Подобное содержание указа не могло удовлетворить П.А. Румянцева. Понимая это, Петр Искрицкий, опираясь на поддержку стародубского полковника князя Юрия Хованского, внес в документ значительные изменения. Но и после корректировки наказ стародубского шляхетства отражал основные чаяния местных элит: унификацию казацких чинов с общероссийскими, установления привилегий согласно Статутам ВКЛ, признание за шляхтой прав российского дворянства [3, с. 119]. При этом следует согласиться с мнением Д.П. Миллера о том, что на данном этапе украинские элиты не пытались интегрироваться в российское дворянство, они видели свое положение на уровне шляхты РП, но к тем привилегиям надеялись добавить и другие, имевшиеся у российских элит [1, с. 14]. Как известно, работа Законодательной комиссии была прервана началом русско-турецкой войны 1768–1774 гг., и вопросы стародубской шляхты вновь остались не рассмотренными.

П.А. Румянцев хоть и имел полную власть в Малороссии, все же оставался человеком военным. Его деятельность во многом была направлена на реформирование украинского войска по примеру регулярной армии. Установленная им строгая дисциплина исключала возможность злоупотреблений старшины по отношению к рядовым казакам, а подобные случаи уже стали обыденными к середине

1760-х гг. Документы сотенных канцелярий фиксируют значительное количество таких злоупотреблений. Так, в 1766 г. казак с. Печеники Стародубского полка Роман Маджудин сообщал, что его отчим взял в долг у сотенного писаря Николая Колосовского денежную сумму под залог своего имения. Однако когда заявитель решил вернуть долг, тот «денег не принял, бил мене и мать, волок по земле, до полусмерти дубиною, держал под караулом в цепях в сотенной новоместской канцелярии меня, дядю моего и отчима» [4, л. 1264]. В результате таких действий Роман Маджудин вынужден был дать купчую запись на весь свой «грунт». Без сомнения такие ситуации являлись следствием, с одной стороны, возвышения шляхты, а с другой – ослабления власти гетмана и полковников. Реформы П.А. Румянцева ограничивали бесконтрольное поведение местных элит. Случаи притеснения рядовых казаков стремительно сокращались, и стали фиксироваться случаи наказания старшины. Так, например, в 1769 г. за взятки, полученные при наборе лошадей и погонщиков на почтовые станции в Топальской сотне Стародубского полка, были лишены чинов значковый товарищ Случановский и полковой канцелярист Зубрицкий [5].

Еще одним ограничением казацкого самоуправления была отмена П.А. Румянцевым выборной системы командиров. Уже к началу 1770-х гг. даже куренные атаманы назначались на должность вышестоящим начальством, а не избирались сельским сходом. В то же время кампании 1760–1780 гг. дали возможность многим рядовым казакам проявить себя в военной службе. За проявленную храбрость они получали высокие чины и тем самым переходили в состав шляхты.

Реформы, начавшиеся в Малороссийском генерал-губернаторстве в 1780-е гг., полностью изменили облик бывшей Гетманщины и положение ее местных элит. Административно-территориальная реформа 1781 г. упразднила Стародубский полк. На его территории было учреждено Новгород-Северское наместничество. Регион был разделен на уезды. Созданная К.Г. Разумовским судебная система также была отвергнута – на территорию наместничества распространялись общегосударственные правила. Таким образом, местная шляхта начала свою транс-

формацию в российское дворянство. В 1783 г. была реформирована и военная служба казаков путем образования регулярных полков. Старшины были пожалованы обер- и штаб-офицерскими чинами, им была предоставлена возможность продолжить военную службу, либо перейти на гражданскую, или выйти в отставку. Так, из командного состава Стародубского полка в 1783 г. на военную службу в регулярную армию были зачислены 4 бунчуковых товарища, 2 сотника и 6 войсковых товарищей [7, л. 5–5об.]. На гражданскую были определены 2 бунчуковых товарища, полковые писарь, есаул и 2 хорунжих, один сотник, а также 9 войсковых товарищей [6, л. 1–2]. В целом, как утверждает Д.П. Миллер, пожалования офицерскими и гражданскими чинами производилось с полной лояльностью и «классы получили все, кто имел к этому охоту». Даже ходили слухи о коррупции в кабинете П.А. Румянцева, когда рядовой казак за 100 рублей становился войсковым товарищем. Практика же присвоения «малороссийских чинов» была прекращена только в 1784 г. [1, с. 35].

Вместе с учреждением наместничеств начался и разбор дворянства. Для этого организовывались уездные дворянские собрания, депутаты которых составляли списки претендентов и подавали на рассмотрение уже губернскому предводителю. Первые сведения о таких ведомостях относятся к концу 1782 г. Тогда в списки «жителей в уезде шляхтичах и чиновниках» были включены, например, по Суражскому уезду – 40, в Новоместском и Мглинском – по 99, в Погарском – 109 человек [8, л. 6–7, 19–22об., 24–25об., 43–45об.]. Среди них были как лица, имевшие право на российское дворянство, согласно полученным общегосударственным чинам, так и все те, кто считал себя шляхтой в силу положений «Прав, по которым судится малороссийский народ» 1743 г. В то же время привилегированное сословие на законодательном уровне отсутствовало в регионе вплоть до 1782 г. и фактически шляхтой себя считали все представители военного класса, включая выборных казаков и подпомощников. И если кодификационный акт 1743 г. относил к шляхте казацкие чины от сотника, то в списки кроме них попала еще и вся сотенная старшина.

При этом претенденты не ограничивались своими заслугами и званиями, полученными на «малороссийской службе». Чтобы подкрепить доводы о дворянстве, многие начали представлять фальсифицированную генеалогию. Именно статусом пограничного региона можно объяснить наличие значительного числа таких родословных среди стародубской шляхты. Близость границы сделала для локальных элит региона поиск предков среди благородного сословия РП более доступным. Как отмечал К.Е. Козловский, большая часть доказывающих дворянство «бросилась в бывшую Польшу» и «покупили у поляков на оное свидетельства». Таким образом, даже некоторые из рядовых казаков и казенных крестьян поступили во дворянство, а «депутаты сделали через то хороший доход» [9, с. 132–133]. Так только в одной ведомости 1795 г. о причислении к дворянству 10 претендентов из Стародубского уезда и 7 из Суражского ссылались на происхождение от «польских шляхтичей» и в доказательство этого прикладывали свидетельства своих родственников из ВКЛ или выписки из мстиславских городских книг [10, л. 23–50, 237–240об.].

При этом многие из представителей локальных элит пошли еще дальше. Так была принята и в дальнейшем утвердилась генеалогия, представленная стародубским полковым канцеляристом Фомой Овсеенко. Хотя в ее правдивости сомневался еще дореволюционный историк В.Л. Модзалевский [11, с. 218]. Несмотря на то, что первым достоверно известным предком вышеупомянутого полкового канцеляриста был значковый товарищ Артем Овсеенко, который без сомнения являлся выходцем из шляхты ВКЛ, в своей родословной Фома Овсеенко выводил свой род от полтавского полковника Мартына Пушкаря. Ему удалось настолько убедительно это сделать, что даже фамилия его была изменена на Пушкаренко-Овсеенко. Однако одновременно с ним искали дворянства и его менее зажиточные родственники, которые в 1795 г. в своих объяснениях о родстве с полтавским полковником ничего не сообщают, а в доказательстве благородного происхождения приводят только своего предка значкового товарища Артема Овсеенко [10, л. 238об.].

Еще одним способом фальсификации стало предоставление выписок из различных актов книг, универсалов гетманов и полковников, где предка называли войсковым товарищем. Однако на момент составления того документа оно еще не являлось званием. Впервые чин войскового товарища в Стародубском полку был присвоен только в 1744 г. [12, л. 134об.]. Во второй половине XVII – начале XVIII в. это являлось формой обращения ко всем представителям казачества – «войскового товариства».

Необходимо отметить, что в первые годы после упразднения полкового деления стародубская, также как и вся другая малороссийская элита, продолжала отождествлять себя именно со шляхтой. Вследствие чего не очень активно доказывала принадлежность к российскому дворянству. Ведь шляхта РП имела несоизмеримо больше привилегий в своем государстве. Этим объясняется и то, что многие действительные ее потомки, как и потомки казацких старшин, оказались записанными в ревизию 1782 г. в качестве рядовых казаков или казенных крестьян.

Однако уже в 1783 г. последовал указ императрицы Екатерины II. Согласно его положениям всем жителям предписывалось оставаться в тех сословиях, в которых они зафиксированы в ревизии 1782 г. Кроме того, крестьяне прикреплялись к земле, а шляхта, включенная в списки дворянских собраний, фактически становилась российскими помещиками. В то же время указ от 17 января 1784 г. повелевал отобрать крестьян у всех, кто не имел права ими владеть. Затем изданная в 1785 г. «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» сблизила объем привилегий между шляхтой и дворянством. При этом документ предоставлял право местным дворянским собраниям самостоятельно оценивать доказательство претендентов и принимать решения о причислении тех к дворянству. Данные обстоятельства подтолкнули большое количество казаков и крестьян к действиям по утверждению за собой и своим потомством преимуществ российских элит.

В декабре 1790 г. Новгород-Северский губернский предводитель дворянства представил ведомость о лицах, вновь поступивших во дворянство, которые в ревизии 1782 г. были ошибочно записаны в податных сослови-

ях. Всего таких претендентов на территории наместничества насчитывалось 5948 душ [1, с. 66]. Однако в том же году новым генерал-губернатором Малороссии стал М.Н. Кречетников. В отличие от своего предшественника, он не испытывал симпатий к украинской шляхте и к сведениям депутатских комиссий отнесся критически. Не веря в такое огромное количество «благородных фамилий» генерал-губернатор всячески противился их исключению из оклада, доходя до прямого запугивания претендентов, обещая лишить их земли. Именно в результате деятельности М.Н. Кречетникова появился указ Сената от 16 декабря 1791 г., предписывающий провести новый разбор дворянства в отношении лиц, включенных по ревизии 1782 г. в податные сословия.

Только к октябрю 1795 г. была составлена новая ведомость о дворянах, положенных в оклад и подлежащих к исключению из него. На этот раз количество благородных фамилий в ней сократилось. Так, например, по Стародубскому повету в дворянском достоинстве было признано 93 семьи, а по Суражскому – 12 [10, л. 23–50, 237–240об.]. Все эти лица были освобождены от записи в уже новую ревизию 1795 г. Однако пребывать в этом состоянии им посчастливилось недолго. Летом 1802 г. была составлена новая ведомость о дворянах, положенных в оклад по ревизиям 1782 и 1795 гг. и исключенных из ревизии 1795 г. В данном документе зафиксировано уже только по Стародубскому повету 317 семей [13, л. 679–735]. В 1803 г. Сенат постановил возратить этих дворян в оклад до нового выяснения законности их требований. Отступление было сделано по ходатайству нового генерал-губернатора А.Б. Куракина только для тех лиц, кто уже самостоятельно к тому времени получил офицерские и гражданские чины. Кроме того, возвращенные в оклад дворяне освобождались от рекрутской повинности. Исключением стало только их участие в казацких полках 1812 г. Тогда в 6-ой Черниговский казачий конный полк поступило по Стародубскому повету 24 человека из окладных дворян. Семеро из них были произведены в унтер-офицеры, а еще пятеро погибли во время кампаний 1812–1814 гг. [12, л. 466–469, 549–563].

Одновременно с этими событиями происходило составление гербовника Российской империи, которое было поручено Герольдии. Под ее контроль с 1796 г. перешли и депутатские собрания. Таким образом, происходила ревизия всех принятых ранее теми решений о причислении различных родов к дворянству. Уже к середине 1800-х гг. участились отказы Герольдии не только в регистрации герба, но и вообще во дворянстве украинской шляхте, которая была причислена к нему еще до 1782 г. Так, в 1804 г. Герольдия отказала потомкам стародубского городского атамана Василия Велинского, хотя дворянство их никакого сомнения не вызывало. При этом и сами просители носили высокие чины не только «малороссийской», но уже и общегосударственной службы [1, с. 91].

Уже с 1805 г. Герольдия начала реализовывать принцип, по которому отказы получали потомки всей сотенной и даже полковой старшины. Подобные действия не могли остаться без внимания дворянства региона. Депутатские собрания обратились через генерал-губернатора с прошением о закреплении на законодательном уровне за чинами «малороссийской службы» соответствующих классов в Табели о рангах. Рассмотрение указанной просьбы началось в 1809 г., но так и не успело завершиться в связи с началом войны 1812 г. В 1819 и в 1827 гг. малороссийский генерал-губернатор Н.Г. Репнин-Волконский вновь подавал подобные прошения и они, как и прежде остались без внимания.

Окончательно вопрос об уравнивании чинов «старой малороссийской службы» с общегосударственными был разрешен только указом от 20 марта 1835 г. Без сомнения его можно считать частью реформ, проводимых императором Николаем I в Малороссийском генерал-губернаторстве. Данные преобразования были нацелены на окончательное приведение территорий бывшей Гетманщины к общероссийским нормам. Указ от 20 марта 1835 г. сохранил потомственное дворянство только за генеральной и полковой казацкой старшиной, сотниками, бунчуковыми и войсковыми товарищами, а также за судьями и подсудками подкоморских и земских судов, которые были пожалованы указанными чинами в период гетманского правления. Таким

образом, можно говорить о том, что были применены положения «Прав, по которым судится малороссийский народ» 1743 г. Срок представления кандидатами во дворянство документов, подтверждающих благородное происхождение, был установлен до 1 января 1839 г. Все, кто не смог выполнить данную обязанность, должны были быть обращены в казаки.

Подобное решение окончательно лишило большинство представителей локальных элит надежды на причисление к российскому дворянству. Привилегии утратили не только положенные в оклад, но и утвержденные во дворянстве еще в 1782 г. потомки сотенной старшины. А ведь именно они составляли абсолютное большинство среди стародубской региональной элиты. Исключения составили только те лица, которые за 50 последних лет смогли выслужить уже общероссийские классные чины. Первая часть Родословной книги Черниговского дворянства практически не содержит записей о стародубской казацкой старшине [15]. Большинство известных региональных фамилий мы встречаем уже во второй и третьей частях указанного документа. Но причисление этих лиц к дворянству уже было не связано с казачеством их предков. Так, еще ведомость 1795 г. возводила в благородное сословие сотенного атамана Ивана Васильевича Таранова, владевшего имением в с. Литовск Стародубского уезда и получившего корнетский чин в 1784 г. [10, л. 44об.]. В ведомости 1802 г. его сын Иван показан в чине всего лишь губернского регистратора, находящегося вне табеля о рангах [13, л. 702]. В результате указом Сената от 4 марта 1852 г. в третью часть Родословной книги Черниговского дворянства был внесен только внук упомянутого сотенного атамана – Василий Иванович Таранов, дослужившийся до чина коллежского асессора [16, с. 336].

После 1839 г. потомки стародубской шляхты продолжали доказывать свое право на принадлежность к благородному сословию. Этот процесс затянулся до середины 1850-х гг. Так, еще в 1853 г. мы видим случаи возвращения дворян в казачество [17]. Последний раз правительство обратило внимание на локальные элиты бывшей Гетманщины в 1855 г., когда был издан указ о льготах в несении повинностей для непризнан-

ных дворян, причисленных к казачьему словию.

Заключение. Таким образом, процесс трансформации локальных элит Стародубщины не был одномоментным и растянулся на сто лет. Он имел непосредственную связь с пограничным положением региона. Близость к границам с ВКЛ помогла потомкам мигрировавшей шляхты утвердиться в дворянском сословии, но дальнейшая политика центрального правительства была направлена на размывание региональной специфики. Несмотря на это, казацкая старшина умело адаптировалась к реформам. Процесс трансформации не завершила ни отмена гетманства, ни упразднение полкового деления. Порубежная специфика края сохранялась даже после того, как границы Российской империи были отодвинуты далеко на запад и юг от Стародубщины. Окончательное разрешение вопроса о чинах «старой малороссийской службы» пришлось уже на внуков тех казацких старшин, которые столкнулись с необходимостью доказывания своего благородного состояния, и совпало с ликвидацией самого Малороссийского генерал-губернаторства в 1856 г.

Список литературы

1. Миллер, Д. П. Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии: превращение козацкой старшины в дворянство / Д. П. Миллер. – Киев : Ун-т Св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1897. – 136 с.
2. Государственный архив Черниговской области (ГАЧО). – Ф. 133. Оп. 1. Д. 7.
3. Когут, З. Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини 1760–1830 / З. Когут. – Київ : Основи, 1996. – 317 с. – (Західна історіографія України ; вип. 2).
4. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киев (ЦГИАК). – Ф. 57. Оп. 1. Д. 122.
5. ЦГИАК. – Ф. 54. Оп. 3. Д. 4174.
6. ЦГИАК. – Ф. 54. Оп. 2. Д. 540.
7. ЦГИАК. – Ф. 54. Оп. 2. Д. 541.
8. ГАЧО. – Ф. 86. Оп. 1. Д. 6.
9. Козловский, К. Е. Судьба малороссийского крестьянства XVII–XVIII в. / К. Е. Козловский. – Киев : М. Фриц, 1871. – 141 с.
10. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1343. Оп. 51. Д. 384.
11. Модзалевский, В. Л. Малороссийский родословник : в 4 т. / В. Л. Модзалевский. – Киев : Типо-Литография «С.В. Кульженко», 1908–1914. – Т. 4 : П–С. – 1914. – IV, 832, 26 с.
12. ЦГИАК. – Ф. 51. Оп. 3. Д. 10591.
13. ГАЧО. – Ф. 86. Оп. 1. Д. 31.
14. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 395. Оп. 311. Д. 28.
15. Милорадович, Г. А. Родословная книга черниговского дворянства / Г. А. Милорадович. – СПб. : Губ. тип., 1901. – Т. 1 : Ч. 1 и 2. – 1901. – VI, 114, 646 с.
16. Милорадович, Г. А. Родословная книга черниговского дворянства / Г. А. Милорадович. – СПб. : Губ. тип., 1901. – Т. 2 : Ч. 3, 4, 5, 6 и прил. – разд. паг.
17. Государственный архив Брянской области. – Ф. 542. Оп. 2. Д. 545.

References

1. Miller D. P. *Ocherki iz istorii i yuridicheskogo byta staroy Malorossii: prevrashcheniye kozatskoy starshiny v dvoryanstvo* [Essays on the history and legal life of old Malorussia: the transformation of the Cossack elders into the nobility]. Kiyev, Universitet Sv. Vladimira N. T. Korchak-Novitskogo, 1897. 136 p. (In Russian)
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Chernigovskoy oblasti* [State Archives of Chernihiv Region]. F. 133. Op. 1. D. 7.
3. Kohut Z. *Rosiy's'kyy tseentralizm i ukrayins'ka avtonomiya. Likvidatsiya Het'manshchyny 1760–1830* [Russian centralism and Ukrainian autonomy. Liquidation of the Hetmanate 1760–1830]. Kyiv, Osnovy, 1996. 317 p. (In Ukrainian)
4. *Tseentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 57. Op. 1. D. 122.
5. *Tseentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 54. Op. 3. D. 4174.
6. *Tseentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State His-

- torical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 54. Op. 2. D. 540.
7. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 54. Op. 2. D. 541.
8. *Gosudarstvennyy arkhiv Chernigovskoy oblasti* [State Archives of Chernihiv Region]. F. 86. Op. 1. D. 6.
9. Kozlovskiy K. Ye. *Sud'ba malorossiyskogo krest'yanstva XVII–XVIII v.* [The fate of the Malorussian peasantry in the 17th–18th centuries]. Kiyev. M. Frits, 1871, 141 p. (In Russian)
10. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv*. F. 1343. Op. 51. D. 384.
11. Modzalevskiy V. L. *Malorossiyskiy rodoslovník. Tom 4. P–S.* [Malorussian genealogy. Volume 4. P–S]. – Kiyev, Tipolitografiya «S.V. Kul'zhenko», 1914. IV, 832, 26 p. (In Russian)
12. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Ukrainy v g. Kiyev* [Central State Historical Archives of Ukraine in Kyiv]. F. 51. Op. 3. D. 10591.
13. *Gosudarstvennyy arkhiv Chernigovskoy oblasti* [State Archives of Chernihiv Region]. F. 86. Op. 1. D. 31.
14. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv* [Russian State Military Historical Archive]. F. 395. Op. 311. D. 28.
15. Miloradovich, G. A. *Rodoslovnaya kniga chernigovskogo dvoryanstva. Tom 1. Chast 1 i 2* [Genealogical book of the Chernigov nobility. Volume 1. Part 1 and 2]. Saint Petersburg, Gubernskaya tipografiya, 1901. VI, 114, 646 p. (In Russian)
16. Miloradovich G. A. *Rodoslovnaya kniga chernigovskogo dvoryanstva. Tom 2. Chast 3, 4, 5, 6 prilozheniya* [Genealogical book of the Chernigov nobility. Volume 2. Part 3, 4, 5, 6 and applications]. Saint Petersburg, Gubernskaya tipografiya, 1901. separate pagination. (In Russian)
17. *Gosudarstvennyy arkhiv Bryanskoy oblasti*. [State Archives of the Bryansk Region]. F. 542. Op. 2. D. 545.

Received 26 August 2024